

КОГНИЦИЯ «НАБЛЮДАТЕЛЬ» В ФОРМООБРАЗОВАНИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ЛИЦА РУССКОГО ГЛАГОЛА

Мацегора И. Л.

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры славянской филологии
Запорожский национальный университет
ул. Жуковского, 66, Запорожье, Украина
orcid.org/0000-0003-0928-0689
ivanmatsehora212@gmail.com*

Ключевые слова:

*когнитивистика,
формообразование,
морфологическая парадигма,
глагол, личная форма,
фигура наблюдателя.*

Современное состояние лингвистических исследований характеризуется большим интересом к проблемам функционирования языковых единиц. В ближайшие двадцать лет возникнет фундаментальный вопрос о том, что в самой системе позволяет ей функционировать так, как она функционирует, а не иначе. В связи с этим многие проблемы, связанные с функционированием и моделированием парадигматических элементов различных частей речи, изучены недостаточно, и в их исследовании наметились лишь определённые тенденции. Новый вектор дисциплинарных представлений и представлений в лингвистике связан с изменением общего отношения к познанию природы объектов, в связи с чем классическая установка знания уступает неоклассическому подходу, ориентированному на понимание. Когнитивная лингвистика, иногда также называемая когнитивной грамматикой, – одно из самых ярких и радикальных нововведений в лингвистике на рубеже XX–XXI веков. Цель данной статьи – выявить особенности формирования словесных лексем в современном русском языке (включая случаи дефектности и избыточности) с точки зрения когнитивных процессов. Рассмотрение морфологической парадигмы русского глагола через призму когнитивных характеристик позволяет констатировать новый поворот этого направления лингвистики в сторону функционализма, ориентирующего грамматику на соотношение с синтагматической деятельностью (речью). В ходе исследования определена роль когнитивных факторов, влияющих на полноту / неполноту морфологической парадигмы категории лица русского глагола. Роль фактора «наблюдатель» в формировании этой языковой аномалии анализируется на материале лексем, характеризующихся флективной недостаточностью. Характеризуется отсутствие специфики парадигмальных обязательных элементов грамматической категории человека на основе схем когнитивного речевого образования. Результаты исследования показывают, что когнитивная специфика морфологических парадигм заключается в особенностях соотношения мышления, познавательного содержания и грамматических категорий, что особенно ярко проявляется при выражении объективных свойств действительности в грамматических формах.

КОГНІЦІЯ «СПОСТЕРІГАЧ» У ФОРМОТВОРЕННІ МОРФОЛОГІЧНОЇ ПАРАДИГМИ ОСОБИ РОСІЙСЬКОГО ДІЄСЛОВА

Мацегора І. Л.

*кандидат філологічних наук, доцент,
доцент кафедри слов'янської філології
Запорізький національний університет
вул. Жуковського, 66, Запоріжжя, Україна
orcid.org/0000-0003-0928-0689
ivanmatsehora212@gmail.com*

Ключові слова:

когнітивістика, морфологічна парадигма, дієслово, особова форма, формотворний чинник, фігура спостерігача.

Сучасний стан лінгвістичних досліджень характеризується значним інтересом до проблем функціонування мовних одиниць. У найближчі двадцять років виникне фундаментальне питання про те, що в самій системі дозволяє їй функціонувати так, як вона функціонує, а не інакше. У зв'язку із цим багато проблем, пов'язаних із функціонуванням і моделюванням парадигматичних елементів різних частин мови, вивчені недостатньо, в їх дослідженні лише окреслені деякі тенденції. Новий вектор дисциплінарних уявлень у лінгвістиці пов'язаний зі зміною загального ставлення до пізнання природи об'єктів, у зв'язку із чим класична настанова знання поступається неокласичному підходу, орієнтованому на розуміння. Когнітивна лінгвістика – одне з найяскравіших і радикальних нововведень у лінгвістиці на межі ХХ–ХХІ століть. Мета нашого дослідження – виявити особливості формування дієслівних лексем у сучасній російській мові (з урахуванням випадків дефектності й надлишковості) з погляду когнітивних процесів. Розгляд морфологічної парадигми російського дієслова крізь призму когнітивних характеристик дозволяє констатувати новий поворот цього напрямку лінгвістики в бік функціоналізму, що орієнтує граматику на співвідношення із синтагматичною діяльністю (мовленням). У процесі дослідження визначено роль когнітивних чинників, що впливають на повноту/неповноту морфологічної парадигми категорії особи російського дієслова. Визначено роль чинника «спостерігач» у формуванні цієї мовної аномалії, що аналізується на матеріалі лексем, які характеризуються граматичною дефектністю. Характеризується відсутність специфіки обов'язкових елементів у складі парадигми граматичної категорії особи на основі схем мовних когнітивних утворень. Результати дослідження засвідчують, що когнітивна специфіка морфологічних парадигм полягає в особливостях співвідношення мислення, пізнавального змісту і граматичних категорій, що найяскравіше виявляється у вираженні об'єктивних властивостей дійсності у граматичних формах.

“OBSERVER” COGNITION IN THE FORMATION OF THE MORPHOLOGICAL PARADIGM OF PERSON CATEGORY OF THE RUSSIAN VERB

Matsehora I. L.

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Slavic Philology
Zaporizhzhia National University
Zhukovskoho str., 66, Zaporizhzhia, Ukraine
<https://orcid.org/0000-0003-0928-0689>
ivanmatsehora212@gmail.com*

Key words: *cognitive science, formation, morphological paradigm, verb, finite form, figure of observer.*

The current state of linguistic research is characterized by a great interest in the problems of the functioning of linguistic units.

It can be stated that in the coming twenty years, there the fundamental question will arise about what in the system itself allows it to function the way it functions, and not otherwise. In this regard, many problems concerning the functioning and modeling of the paradigmatic elements of different parts of speech have not been sufficiently studied, and only certain trends have been outlined in their study.

The new vector of disciplinary ideas and representations in linguistics is associated with a change in the general attitude toward the cognition of objects nature, in this connection the classical knowledge attitude concedes to a neoclassical approach oriented to understanding.

Cognitive linguistics, sometimes also called cognitive grammar is one of the most spectacular and drastic innovations in linguistics at the turn of the XX–XXI centuries. The purpose of this article is to reveal the peculiarities of verbal lexemes formation in the modern Russian language (including cases of defect and redundancy) in terms of cognitive processes. Consideration of the morphological paradigm of the Russian verb through the prism of cognitive characteristics allows us to state a new turn of this linguistics branch towards functionalism, which orients grammar to the correlation with syntagmatic activity (speech).

The role of cognitive factors influencing the completeness/incompleteness of the morphological paradigm of the person category of the Russian verb was defined during the research.

The role of the “observer” factor in the formation of this linguistic anomaly is analyzed on the material of lexemes characterized by inflectional insufficiency. The absence specificity of the paradigm obligatory elements of the grammatical category of a person based on the schemes of cognitive speech production is characterized.

The results of the study show that the cognitive specificity of morphological paradigms lies in the peculiarity of the thinking, cognitive content and grammatical categories correlation, which is especially clear when expressing the objective properties of reality in grammatical forms. Among the factors influencing the formation process of morphological forms of the grammatical category of the person the most significant are the figure of the observer’s position and its position itself, the event frame of the process, determined by its coordinates in space. These factors cause the defect in the paradigm of finite, aspect and tense forms of the Russian verb.

Современное состояние лингвистических исследований характеризуется большим интересом к проблемам функционирования языковых единиц. Так, академик В.М. Алпатов отмечает, что до семидесятых годов XX века лингвистика в основном решала вопрос о том, как устроена языковая система, последняя четверть века характеризовалась решением проблемы, как функционирует система [1, с. 50]. Можно утверждать, что в грядущее двадцатилетие основным будет вопрос – что в самой системе позволяет ей функционировать так, как она функционирует, а не иначе. В этом плане многие проблемы, касающиеся, в частности, функционирования и моделирования парадигматических элементов различных частей речи, изучены недостаточно, в их исследовании только намечились определённые тенденции.

Парадигматические объединения разных частей речи и систем современного русского языка обуславливают усиленный интерес языковедов к принципам организации этих группировок. Особенно интересным с этой точки зрения является глагольное слово. Разноплановые подходы к изучению этого лексико-грамматического класса предполагают возможности формально-структурного, функционального и когнитивного анализа его элементов. Отдельные аспекты этой проблемы не теряют своей актуальности и на сегодняшний день, свидетельством чего является активизация исследований в этой области на протяжении последних десятилетий [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Новый вектор дисциплинарных идей и представлений в лингвистике связан с изменением общей установки на познание природы объектов, в связи с чем классическая установка на знание уступает место неоклассическому подходу, ориентированному на понимание.

В языкознании новая познавательная парадигма воплощается в антропоцентричном, функциональном и когнитивном подходах к изучению языковых явлений, в выделении концепта как ментального образования, организующего смыслообразование и способы репрезентации знаний в соответствии с социокультурным опытом.

Одной из наиболее эффективных и радикальных по своим претензиям инноваций в лингвистике на рубеже XX–XXI веков является когнитивная лингвистика, иногда называемая также когнитивной грамматикой.

Цель данной статьи – выявить особенности формообразования глагольных лексем в современном русском языке (в том числе случаи дефектности и избыточности) с точки зрения когнитивных процессов.

Слово, подводимое под лексико-грамматический класс глагола, обычно представляет собой сложную систему многочисленных форм, которая

образует парадигму спряжения и включает в себя причастия с их видоизменениями, деепричастные образования, а также видовые и отчасти залоговые варианты.

Для образного представления глагольной парадигмы можно использовать следующий способ её моделирования: парадигма глагольной лексемы есть набор клеток, каждая из которых, имея в качестве названия некоторое грамматическое значение, содержит или одну словоформу (нормальный случай), или несколько словоформ (являющихся вариантами друг друга), или ничего не содержит (так называемая пустая клетка). Парадигму, имеющую хотя бы одну пустую клетку, определяют как недостаточную или дефектную [8, с. 211]. Глаголами с дефектными парадигмами являются лексемы, которые не имеют полного набора форм лица, не образуют форм повелительного наклонения, не имеют видовых коррелятов. Например, лексемы *победить*, *убедить*, *переубедить*, *разубедить*, *затмить*, *ощутить*, *шкодить*, *чудить*, *галдеть*, *ерундить*, *брезжить*, *вечереть*, *лицезреть*, *виднеться* не имеют форм 1-го лица единственного числа.

У ряда глаголов не употребляются формы 2-го лица единственного и множественного числа: *телиться*, *жеребиться*, *котиться*, *брезжить*, *зыбиться*, *белеться*, *разгореться*, *возбраняться*, *возрасти*, *вонзиться*, *впитаться*, *вскрыться*, *врасти*, *всосаться*, *вспениваться*, *вывихнуться*, *выкипеть*, *вылинять*, *выродиться*, *выцвести* и т. п. Наконец, у некоторых глаголов первое лицо единственного числа не употребляется потому, что от других глаголов образуются омонимичные им формы: *дерзить* – *держу*, *бузить* – *бужу*, *держать* – *держу*, *будить* – *бужу*.

Теоретической основой для анализа недостаточных глагольных парадигм являются, с одной стороны, общая теория номинации, а с другой – теория формальной флективной недостаточности отдельных языковых фрагментов и когнитивная грамматика [4; 9; 11].

Рассмотрение морфологической парадигматики русского глагола сквозь призму когнитивных характеристик позволяет констатировать новый поворот данной отрасли языкознания в сторону функционализма, который ориентирует грамматику на соотношение с синтагматической деятельностью (речью).

В современной теоретической семантике и грамматике активно вводятся в научный обиход термины «модальные рамки» и «рамки наблюдателя» [9; 10; 11]. Модальные рамки в том виде, как они используются в теоретической семантике сейчас, были предложены А. Вежбицкой [9, с. 98]. В модальной рамке фиксируются интеллектуальные позиции говорящего по отношению

к описываемым объектам и явлениям. В ряде случаев модальные рамки имеют более сложное строение, отражая не только интеллектуальную позицию говорящего по отношению к описываемой действительности, но и предполагаемые говорящим оценки этой действительности со стороны слушателя, то есть адресата, или каких-либо третьих лиц. Например: *Циолковский скорее поэт, чем ученый. Циолковский не столько ученый, сколько поэт*. В данном случае адресат либо третье лицо считает, что Циолковский – ученый, а у говорящего немного другое мнение на этот счет.

Значение некоторых языковых единиц, а также их морфологический потенциал нельзя описать, не используя понятие «фигуры наблюдателя». В структуре языка наблюдатель отличается от говорящего приблизительно так, как рассказчик от автора в структуре литературного произведения. Рассмотрим несколько примеров: а) *Тропа кончается у оврага* (1) – *У оврага тропа кончилась* (2); б) *Дорога приводит к пещере* (1) – *Дорога привела к пещере* (2). В примере А¹ и Б¹ глаголы в форме несовершенного вида описывают действительность совершенно объективно: в какой-то точке пространства *тропы* больше нет или *дорога* пролегает таким образом, что по ней можно прийти к *пещере*. В примерах А² и Б² действительность предстает чьему-то взгляду. Во фразе А² обозначено, что **кто-то** шел по *тропе* и увидел, что *тропы* больше нет. Во фразе Б² (*Дорога привела к пещере*) предполагается, что *дорога* привела к *пещере* **кого-то, кто** по ней шел и увидел, что она уперлась в *пещеру*. В обоих случаях есть нетривиальный наблюдатель, перемещавшийся по *тропе* или *дороге*, они есть в его непосредственном опыте.

Наличие представления о внешнем наблюдателе в значении языковой единицы систематически препятствует ее употреблению в некоторых формах, в частности формах первого лица. Сравним фразы: *Машина выехала на дорогу за минуту до взрыва* (1) // *Машина показалась на дороге за минуту до взрыва* (2) // **Мы показали на дороге за минуту до взрыва* (3). В первом случае наблюдателя нет, во втором кто-то видел, как *машина* *показалась* на *дороге*. Именно тем, что глагол *показаться* вводит внешнего наблюдателя, объясняется неправомерность фразы (3): говорящий не может вырваться из своей телесной оболочки и наблюдать себя со стороны.

Рассмотрим данные особенности применительно к глаголам, имеющим неполный набор личных форм.

В морфологии в рамках когнитивного направления существует словопроизводственная модель перехода от мысли к слову. И.С. Торопцев предлагает выделяет шесть компонентов такой модели: 1) подготовку идеального содержания; 2) выбор

мотивировки (мотивировка признаком и мотивировка всем содержанием); 3) выбор производящего (слова, первосигнальных признаков, звукопредставлений); 4) выбор способа словообразования, регламентируемый понятиями о способах словопроизводства; 5) построение звуковой оболочки из подосновы (основы производящего слова), звуковой стороны образуемого слова и словообразовательных единиц; 6) сцепление идеального и материального при завершении словопроизводства [12, с. 92–134].

Учитывая все изложенное, можно вычленил такие этапы когнитивного процесса порождения глагольной парадигмы: 1) апперцепция (психонетический уровень); 2) интериоризация (когнитивный уровень); 3) внутреннее программирование (превербальный уровень); 4) селекция (номинативно-вербальный уровень); 5) парадигмизация и синтагмизация (системно-функциональный уровень) [13, с. 83]. Остановимся на каждом из них более подробно, рассмотрев процесс порождения формальных модификаций глагольной лексики на конкретных примерах.

В системе личных форм русского глагола отражается членение мира на три типа сущностей по их отношению к речевому акту: отношение действия к субъекту речи как эпистемологическому центру бытия, объект речи и предмет речи, и отношение к ним процесса, как основных таксономических категорий бытийно-языковой реальности.

Грамматические категории находят свою экспликацию в формальных средствах, имплицитно в когнитивной информации. Специфика их презентации в языковых знаках определяется особенностями взаимодействия их компонентов в объективной внеязыковой действительности. Онтологический принцип является определяющим при трактовке грамматических категорий, он состоит в анализе составляющих этих категорий как объективно мотивированных и одновременно презентованных экспонентно.

Рассмотрим это на примере глаголов *затмить*, *убедить*, *залиться*, у которых отсутствуют формы первого лица настоящего-будущего времени. Глагол *затмить* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «*превзойти в каком-нибудь отношении (Затмить всех своим остроумием)*» [14, с. 200]. Превербальный этап речепорождения данной языковой единицы можно представить следующим образом: 1) схематизация пространства, степень детализации и распределение внимания формируют следующие когнитивные координаты: «*он – здесь – сейчас*»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется фрейм, или прототипическая категория

данного процесса, условно определяемая нами как «превосходство в чем-либо». Вербальный цикл, в процессе которого формируются формальные показатели темпоральной и персональной характеристики действия, предопределяет, с одной стороны, возможность образования формы первого лица (семантика данного процесса совместима с его когнитивными координатами), с другой же стороны, формы типа *затмю, *затмлю, «прошедшие этапы селекции и парадигмизации», являются неприемлемыми с точки зрения речевого узуса.

Глагол *убедить* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «заставить поверить чему-нибудь (*Убедить слушателей в своей правоте*)» [14, с. 729]. Превербальный этап речепорождения данной языковой единицы можно представить следующим образом: 1) схематизация пространства, степень детализации и распределение внимания формируют следующие когнитивные координаты: «он – здесь – теперь»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется фрейм, или прототипическая категория данного процесса, условно определяемая нами как «процесс убеждения в чем-либо». Вербальный цикл, в процессе которого формируются формальные показатели темпоральной и персональной характеристики действия, предопределяет, с одной стороны, возможность образования формы первого лица (семантика данного процесса совместима с его когнитивными координатами), с другой же стороны, формы типа *убедю «прошедшие этапы селекции и парадигмизации», являются неприемлемыми с точки зрения речевого узуса.

Глагол *залиться* – это лексема, областью определения которой выступает концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «попасть куда-нибудь (о жидком) (*Вода залилась за воротник*)» [14, с. 188]. Превербальный цикл речепорождения данной языковой единицы можно

представить следующим образом: 1) схематизация пространства, степень детализации и распределение внимания формируют следующие когнитивные координаты: «что-то – здесь – теперь»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется фрейм или прототипическая категория данного процесса, условно определяемая нами как «процесс затекания куда-нибудь, во что-нибудь». Вербальный цикл, в процессе которого формируются формальные показатели темпоральной и персональной характеристики действия, предопределяет невозможность образования формы первого и второго лица настоящего-будущего времени, но уже в силу других причин: когнитивные координаты данного процесса не находят реализации именно в этих грамматических формах.

Итак, проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы.

Когнитивная специфика морфологических парадигм заключается в своеобразии соотношения мышления, мыслительного содержания и грамматических категорий, что особенно чётко проявляется при выражении объективных свойств действительности в грамматических формах. Средства, которые выражают систему категориальных значений в мыслительных интенциях, находятся между собственно языковыми и внеязыковыми сущностями.

Инвентарь категориальных значений и их репрезентантов, морфологических форм, ориентирован на отражение концептуальной картины мира в сознании говорящего. В концептуальной картине мира очень важную роль играет разграничение процессов и актантов как важнейших носителей представления об окружающей действительности.

В числе факторов, влияющих на процесс образования морфологических форм грамматической категории лица, наиболее значимыми являются фигура наблюдателя и его позиция, а также событийная рамка процесса, определяемая его координатами в пространстве. Данные факторы обуславливают дефектность парадигмы личных и видо-временных форм русского глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. О способах построения функциональной грамматики. *Проблемы функциональной грамматики*. Москва : Русский язык, 1995. С. 49–55.
2. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ синтаксиса. Порождение речи. Москва : Наука, 1989. 215 с.
3. Колосова Е.И. Тенденции развития в области формообразования русского глагола. *Актуальные проблемы вербальной коммуникации (язык и общество)*. 2004. № 1. С. 439–444.
4. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке. *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*. 1996. Т. 55. № 3. С. 3–24.
5. Сидельников В.П. Экстралингвистические факторы функционирования и развития языка. *Актуальные проблемы вербальной коммуникации (язык и общество)*. 2017. № 1. С. 483–487.
6. Соколова С.О. Час та його відображення в граматичних категоріях дієслова. *Мовознавство*. 2003. № 4. С. 3–10.

7. Мацегора И.Л. Факторы образования глагольных парадигм в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепрпетровск : ДНУ, 2006. 20 с.
8. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка : Словоизменение. Москва : Наука, 1987. 280 с.
9. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. Москва : Просвещение, 1997. 220 с.
10. Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия. *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*. 2000. Т. 58. № 4. С. 39 Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. 53.
11. Лакофф Дж. Когнитивная семантика. Пер. с англ. Москва : Знание, 1988. 405 с.
12. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. 340 с.
13. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. Киев : Изд-во Украинского филологического центра, 2002. 248 с.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой Москва : Русский язык, 1996. 817 с.

REFERENCES

1. Alpatov V.M. (1995) O sposobah postroenija funkcional'noj grammatiki. Problemy funkcional'noj grammatiki. Moskva : Russkij jazyk, 1995. P. 49–55.
2. Ahutina T.V. (1989) Nejrolingvisticheskiy analiz sintaksisa. Porozhdenie rechi. Moskva : Nauka. 1989. 215 p.
3. Kolosova E.I. (2004) Tendencii razvitija v oblasti formoobrazovanija russkogo glagola. *Aktual'nye problemy verbal'noj kommunikacii (jazyk i obshhestvo)*. Vol 1. P. 439–444.
4. Kravchenko A.V. (1996) Kognitivnye struktury prostranstva i vremeni v estestvennom jazyke. *Izvestija AN. Ser. lit i jaz.* T. 55. Vol. 3. P. 3–24.
5. Sidel'nikov V.P. (2017) Jekstralingvisticheskie faktory funkcionirovanija i razvitija jazyka. *Aktual'nye problemy verbal'noj kommunikacii (jazyk i obshhestvo)*. Vol. 1. P. 483–487.
6. Sokolova S.O. (2003) Chas ta jogo vidobrazhennja v gramatichnih kategorijah dieslova. *Movoznavstvo*. Vol. 4. P. 3–10.
7. Macegora I.L. (2006) Faktory obrazovanija glagol'nyh paradigim v sovremennom russkom jazyke. avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Dnepropetrovsk: DNU, 2006. 20 p.
8. Zaliznjak A.A. (1987) Grammaticheskij slovar' russkogo jazyka: Slovoizmenenie. Moskva : Nauka, 1987. 280 p.
9. Vezhbickaja A. (1997) Jazyk. Kul'tura. Poznanie. Per. s angl. Moskva : Prosveshhenie, 1997 220 p.
10. Apresjan Ju.D. (2000) Otechestvennaja teoreticheskaja semantika v konce XX stoletija. *Izvestija AN. Serija lit. i jaz.* T. 58. Vol. 4. P. 39–53.
11. Lakoff Dzh. (1998) Kognitivnaja semantika. Per. s angl. Moskva : Znanie, 1988. 405 p.
12. Toropcev I.S. (1996) Slovoizvodstvennaja model'. Voronezh : Izd-vo VGU. 1996. 340 p.
13. Selivanova E.A. (2002) Kognitivnaja onomasiologija Kiev : Izd-vo Ukrainского fitosociologicheskogo centra, 2002. 248 p.
14. Ozhegov S.I. (1996) Slovar' russkogo jazyka. / Pod red. N.Ju. Shvedovoj Moskva : Russkij jazyk. 1996. 817 p.